

материал нужно было бы расширить, но сказать, что его вовсе нет, будет несправедливым.

«Главный же упрек», который делает мне А. Л. Саккетти, состоит в том, что мною «не отмечена враждебность реформационных движений государственной централизации» (стр. 204). Но достаточно вспомнить реформацию в Англии, Дании, Швеции, в ряде немецких княжеств, чтобы убедиться, что абсолютизм широко использовал реформационные учения в своекорыстных интересах. Да и в шляхетской Польше виднейший публицист Андрей Фрич-Моджевский, творчество которого напоминает Пересветова, был и сторонником реформации и поборником централизации. Утверждение о том, что «вообще дворянству в XVI—XVII вв. свойственно было не уклоняться в ересь» (стр. 205), нуждается в большом ограничении, так как известно, что «еретики» Матвей Башкин и Боровы были по своему социальному положению детьми боярскими.

Далее, А. Л. Саккетти считает, что я без критики опираюсь на высказывание Вернера Филиппа о якобы «чисто светском» характере понимания «правды» у Пересветова. Но на стр. 396 я не опираюсь на Филиппа, а даю лишь общую историографию вопроса, после чего перехожу к анализу самих пересветовских текстов. Основной мой тезис сформулирован на стр. 400. Здесь говорится, что «правда», по мнению И. С. Пересветова, — «совокупность общественных преобразований, направленных к созданию совершенного государственного строя, в котором дворянские требования найдут полное осуществление. Облекая это понятие в религиозную форму... публицист вкладывал в нее не церковное, а светское содержание». Это сильно отличается от того формально-юридического предствления о «правде», которое находим у Вернера Филиппа. Если уж говорить о Вернере Филиппе, то скорее можно вспомнить, что именно Филипп выступал против возможности сопоставления взглядов Пересветова с Башкиным,²⁵ т. е. придерживался в данном случае точки зрения, сходной с мнением А. Л. Саккетти.

Досадным недоразумением является апелляция А. Л. Саккетти к судьбе пересветовского поместья. Если бы Пересветов был изобличен в ереси, то поместье его, по мнению А. Л. Саккетти, «было бы конфисковано и не перешло к его наследникам» (стр. 205). Поместье Пересветова от обид вельмож запустело еще до подачи им челобитных, а о дальнейшей судьбе этого владения у нас вовсе никаких сведений нет.

А. Л. Саккетти считает, что Пересветов выступал не вообще против полного кабального холопства, а против похолопления дворян. Хорошо, допустим, что так. Но тогда зачем же говорить о согласованности взглядов Пересветова с отпуском несвободных слуг по духовным завещаниям? Одно утверждение явно противоречит другому. Такое же несоответствие получается и дальше. А. Л. Саккетти ссылается на то, что Мехмед II и Петр Рареш «никогда не являлись сторонниками освобождения крестьян и дворовых», хотя в их уста Пересветов вкладывает слова об освобождении свободных людей от «порабощения». Но здесь же сам Александр Ливериевич считает, что Пересветов «охотно свои планы и советы излагает в виде мнений и заключений некоторых исторических личностей — султана Магомета II или волошского воеводы Петра Рареша» (стр. 206). Тогда зачем же ссылаться на то, что реальный Мехмед II и Петр Рареш не были противниками холопства?

²⁵ W. Philipp, Ivan Peresvetov und seine Schriften über die Erneuerung des Moskauer Reiches. Berlin 1935, стр. 27.